

18+

МИР В СТАКАНЕ

МАКСИМ БУХТЕЕВ

Максим Николаевич Бухтеев

Мир в стакане

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74036116

ISBN 9785006969575

Аннотация

Рома – самый обычный современный молодой человек. Однажды он засыпает в своей кровати, но просыпается в странном месте – Колонии. Все вокруг уверяют, что она всегда была его домом. Но в кармане чужой одежды – старые наушники из той, «ненастоящей» жизни.

Фантастический триллер о границе между сном и явью, о цене пробуждения.

Для любителей напряжённой атмосферы, метафизических загадок и историй, где финал меняет всё, что ты знал в начале.

Содержание

Пробуждение	5
Знакомство	18
Принятие	40
Внутри кроличьей норы	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Мир в стакане

**Максим
Николаевич Бухтеев**

© Максим Николаевич Бухтеев, 2026

ISBN 978-5-0069-6957-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пробуждение

Часто бывает, что пробудившись, не сразу понимаешь, где находишься. Надо лишь немного подождать, чтобы мозг проснулся. Но в этот раз метод явно давал сбой.

Рома открыл глаза и тут же зажмурился. Слишком ярко. Не мягкий утренний свет из-за штор, а какой-то... искусственный? Холодный. И потолок... Где знакомые трещинки, где люстра? Над ним плыли серые плиты, уходящие ввысь, пересечённые темными балками. Он моргнул, пытаясь сообразить. Где я вчера лёг? В квартире у Макса? Но там потолки низкие...

Да и с чего бы ему быть не у себя дома? Он прекрасно помнил, что было вчера – всё как обычно. На работе трепался с Анькой. Кажется, он ей всё-таки нравился, но не факт... Надо было пригласить её куда-то и проверить наверняка. После работы ужин, затем сидел за компом до поздней ночи.

Он попытался повернуться на бок – привычное движение. Но вместо упругости матраса под боком оказалось что-то жёсткое... Это явно не его постель.

Рома приподнялся на локте, ощущая лёгкую одеревенелость в мышцах спины. Странно. Взгляд скользнул по помещению. Огромное. Пустое. И мёртвое, как бывает в ветшающих государственных учреждениях и больницах. Металлические шкафчики с кривыми стеклянными дверцами, шир-

мы и какие-то пугающие приборы с трубками и проводами.

Он сел, свесив ноги с койки. Пол под босыми ступнями был ледяным и шершавым. Не дома. Да уж... Точно не дома. Одежда чужая – какая-то больничная пижама. Он потер лицо ладонью. Пахло пылью и чем-то химическим, приторно-сладковатым, как старое лекарство. Неприятно.

В голове тихо и отрывисто звучала какая-то музыка. Мотив был явно знакомым. Он то усиливался и повторялся, пульсируя, то растворялся среди звона в ушах.

Рома встал. Ноги чуть подкосились от онемения, но держали. Он сделал шаг вперед, потом еще один. Тишина была абсолютной, гнетущей. Ни шагов в коридоре, ни голосов, ни привычного гула города за окном. Только его собственное дыхание казалось неестественно громким. Он подошел к ближайшей койке. Потрогал пыльное покрывало – влажное на ощупь. Отдернул руку. Так, спокойно. Может, это какая-то старая часть больницы? Или... сон?

Иногда просыпаешься как бы по частям или не сразу. Однажды в детстве Рома испугал всех родных, когда ночью стал бегать по дому и кричать. Он открыл глаза, встал с кровати, но продолжал видеть кошмар. Может и сейчас всё также?

Он подошел к окну. Чернота за толстым, мутным стеклом была не просто темнотой. Она была плотной, материальной, как стена. Он прижал ладонь к холодному стеклу. Ни просвета. Ни звездочки. Ни отсвета фонаря. Только бесконечная,

всепоглощающая тьма. Как под землей... Мысль пронеслась, нелепая и пугающая. Он резко отдернул руку, но всё же успел заметить, что перед ним не окно, а большой выключенный экран.

Повернулся, окидывая взглядом гигантское помещение. Пустота. Тени, сгущающиеся в углах. И этот мертвенный свет, льющийся откуда-то сверху.

Первая волна настоящего страха, холодная и липкая, пробежала по спине. Он подошел к стене – не просто стене, а массивной, шершавой, грубой бетонной плите. Всё-таки больница. Причём, явно казённая. Осознание ударило, как ледяной душ. Военные?!

Что случилось? У него амнезия после какой-то аварии? Он стал осматривать себя и ощупывать. Ни боли, ни ран, ни синяков. Даже назойливый прыщ на ноге куда-то делся. Неужели прошло несколько дней?

Нет. Он тряхнул головой, пытаясь отогнать нарастающую панику. Это нелепо! Этого всего не может быть! Но факты давили. Как их игнорировать? Как не верить своим же глазам? Воспоминания о вчерашнем дне вдруг стали нереальными, как сон. А это... это было слишком осязаемо.

«Эй!» – его голос сорвался неожиданно громко, хрипло. Звук глухо ударился о высокие потолки, отразился жалким эхом и затих. «Есть кто-нибудь?!» Только тишина в ответ. Глубокая и зловещая, как в дешёвом фильме ужасов.

Вот-вот из-за угла что-то выпрыгнет и вцепится в глотку. На такое хорошо смотреть откуда-то издалека, чувствуя себя в полной безопасности.

Рома прижался спиной к холодному бетону, чувствуя, как дрожь начинает сводить ноги. Ему здесь не место. Паника комком подкатила к горлу. Как? Почему? Где я?! Вопросы, уже лишённые недоумения, полные чистого, животного ужаса, застучали в висках. Он съежился, обхватив себя руками, и впервые по-настоящему почувствовал ледяное дыхание этого места. Оно было повсюду.

Рома оттолкнулся от стены, заставив себя двинуться вперед. Ему нужно было осмотреться, найти выход, найти хоть что-нибудь понятное. Эта мысль казалась единственной соломинкой для разума.

Он медленно пошел вдоль стены, ладонь скользила по холодной, неровной поверхности. В одном шкафу за мутным стеклом белела папка. Рома открыл скрипящую дверцу. Внутри лежали пожелтевшие листы каких-то документов.

В углу стоял один из тех пугающих приборов – металлический монолит с потухшим экраном, утыканный кнопками и разъемами. Провода свисали аккуратными петлями, будто его отключили по плану. Рома зачем-то нажал самую большую кнопку. Ни звука, ни проблеска жизни. Но музыка в ушах смолкла.

Он толкнул металлическую ширму. Она с протяжным

скрежетом прокатилась по линолеуму. За ней – еще одна стандартная койка. И на полу перед ней – большое, темное, въевшееся пятно неправильной формы. Рома резко отвел взгляд, чувствуя, как желудок неприятно сжался. «Не думать об этом», – пронеслось у него в голове. «Не сейчас».

В центре зала под тусклыми лампами дневного света, многие из которых не горели, стоял островок с раковиной. Раковина была сухой, покрытой рыжими подтеками ржавчины. Рома повернул кран. Ни шипения в трубах, ни единой капли.

Над раковиной висело зеркало в потускневшей металлической раме. Он посмотрел в него и едва узнал себя. В свете ламп его лицо было бледным, как мел, а под глазами залегли глубокие, синеватые тени. Взгляд, обычно насмешливый, сейчас был диким, полным незнакомого страха. Волосы торчали в разные стороны. Он выглядел так, будто его вытащили из-под завала. Рома отвернулся, не вынося этого зрелища.

«Выход. Надо найти выход», – прошептал он себе, голос сорвался на хрип. Он зашагал быстрее, почти побежал, петляя между рядами безмолвных коек, пугаясь собственной тени, пляшущей на стенах. Дыхание стало частым и поверхностным, сердце колотилось где-то в желудке. «Где же дверь?» Он обошел почти весь периметр огромного зала. И вот она – тяжелая, массивная, из тусклого металла, без смотрового окошка, с литой ручкой. Похожая на дверь в банковское хранилище. Или в склеп.

Рома навалился на ручку. Раздался глухой щелчок замка. Он толкнул дверь. Она поддалась медленно, с гулким скрипом несмазанных петель. За ней открылось не спасение, а еще одно помещение. Меньше. Значительно темнее. Воздух здесь был другим – гуще, с отчетливым химическим запахом, поверх которого витала едкая нотка гари. Лаборатория?

Он сделал шаг внутрь. Под босыми ногами линолеум стал липким от какого-то засохшего налета. В углу стоял высокий шкаф с глухими металлическими дверцами. Рома подошел, потянул за ручку. Дверца открылась с тихим вздохом. Внутри аккуратно висели несколько таких же серых больничных пижам, как на нем. Безликие, одинаковые. И... пара гражданских вещей.

Он зажмурился, стиснув виски пальцами, изо всех сил пытаясь вырвать из памяти хоть что-то. Вчера... Монитор. Светящийся экран. Ощущение клавиш под пальцами. Он работал? Нет... Листал ленту? Читал что-то важное? Картинка плыла, расплывалась, как изображение на воде. Аня. Её звонкий смех.

Сейчас Рома отчаянно и резко заскучал по самым обычным скучным вещам, включая работу. Верните всё назад! Он схватился за край ближайшего стола, чтобы удержаться на ногах. Стол качнулся, что-то стеклянное звонко грохнуло о пол где-то в глубине лаборатории. Звук разорвал мертвую тишину, как выстрел.

«Ну, хулиганить-то зачем?» – раздался голос, неестественно бодрый для этого склепа. Рома вздрогнул – на него из тени вышел мужчина в ослепительно белом, чуть помятом халате. На голове у него был медицинский колпак, лихо сдвинутый набекрень, а в руке – пачка ярко-желтых чипсов. Он весело хрустнул одним из них, широко улыбаясь. «Анатолий Белый, ваш лечащий врач! Ну, или просто Толя, если хотите!»

Рома ничего не хотел, кроме как убраться отсюда. Он замер, вжавшись в стену. Его голова, только что кипевшая от мыслей как чайник, отказывалась обрабатывать эту картинку. Доктор? Чипсы?

– Вы... вы кто? – выдавил он.

– Так и знал, что ты меня не вспомнишь. Потому и представился. Ну, повторение – мать учения. Толя Белый! – врач махнул рукой с пакетом, рассыпав крошки на липкий пол. Он бодро подошел ближе, и Рома разглядел круглое, румяное лицо, маленькие, весело блестящие глазки и широченную улыбку.

– Как чувствуешь-то себя? Бодрячком?

– Какой ещё Толя?! – Рома отпрянул. – Где я? Что это за место? Я вчера был дома! В своей квартире!

Белый закатил глаза, словно слышал это тысячу раз. Он сунул в рот очередную порцию чипсов, громко разжевал и вздохнул с преувеличенным сожалением.

– Расслабься – ты дома. Конечно, обидно, что ты меня не узнал. Всё же, с детства знакомы. Но не ты первый, не ты последний, к сожалению...

Рома почувствовал, как земля уходит из-под ног. Не в переносном, а почти в буквальном смысле. Он схватился за край стола:

– Какое ещё детство?! Здесь?! В этой обшарпанной... Угрожаете?

– Э-э-э, не надо так! – Анатолий покачал пальцем, измазанным в соусе. – Да, ремонт тут бы не помешал, но родился ты в другом месте. Почище.

– Я помню своё детство и своих друзей! Я помню, кто я. Помню работу. Я системный администратор.

– Администратор, говоришь? Ну, у всех разные побочки. На прошлой неделе механик говорил, что раньше был земляным червяком. Ничего – главное, что ты очнулся. Ложные воспоминания это так... Лечится.

– А что, мог и не очнуться?

– Не будем о грустном. Всё уже позади. Остаточные явления – это механизм компенсации. Мозг пытается объяснить то, что не может понять. Он рисует абсурдные картины, но со знакомыми элементами. Ну, и связывает всё вместе. Тут со многими так бывает. Через недельку-другую и не вспомнишь про это.

Врач мягко подтолкнул Рому в кресло и ловко начал первичный медицинский осмотр. Рома не сопротивлялся. Чув-

ство ужаса не ушло. Оно просто... изменилось. Превратилось в тошнотворное, непостижимое ощущение абсурда. Он стоял посреди кошмарного спектакля, где единственный другой актер утверждал, что это – его реальность. И смеялся. И хрустел чипсами.

– Я... я не верю вам, – тихо сказал Рома, но его голос звучал уже не так уверенно.

Анатолий Белый вздохнул снова, но на этот раз с оттенком профессиональной усталости;

– А и не надо. Я и сам своим глазам не верю. Эта болячка нас уже полгода терзает, а мы про неё толком ничего не знаем, даже названия не дали. Ничего беды не предвещает. Идёт человек, ну, вот, скажем, как ты, в кафетерий и бац! Вот он уже на полу без сознания! Может, через день очнётся или через неделю, а может... А как в себя придёт, всякий бред несёт. Чего я тут только не наслушался от таких коматозников. Часто кошмары разные – ожившие покойники и всё такое...

Анатолий Белый, не переставая хрустеть чипсами, ловко щупал пульс Ромы на запястье. Его пальцы, липкие от соуса, были удивительно сильными.

– Так-так, сердцебиение чуть учащенное, но для состояния после... э-э-э... эпизода, в пределах нормы! – оптимистично констатировал он, прикладывая к Роминой груди стетоскоп. Рома брезгливо вздрогнул. – Дыши глубже! Раз, два!

Отлично! Легкие чистые. Ни хрипов, ни свистов. Прямо атлет!

– Я не атлет, – сквозь зубы процедил Рома, отводя взгляд от слишком близкого, румяного лица врача. – Я хочу знать, где я нахожусь. Конкретно. Что это за место?

Белый снял стетоскоп, задумчиво почесал им подбородок.

– Ну, как тебе сказать... Это Дом. Наш Дом. И твой тоже. Или Город, если угодно. Колония, официально. У нас тут всё есть: и кафетерий, и клуб «Магнит», и теплицы... жизнь кипит! Ты, кстати, любишь в этот клуб ходить.

– Город? – Рома недоверчиво оглядел облезлую лабораторию с ее пыльными столами и жутковатыми ящиками. – Где улицы? Где люди? Где... нормальный свет?

– Обязательно! – Анатолий энергично ткнул пальцем в грудь Ромы. – И улицы, и свет, и люди... Да куда не плюнь – везде люди! В шахтах, на ферментации, в очистных. – Он хлопнул Рому по плечу, заставляя его вздрогнуть снова. – Ладно, давление померим... Так-так... Немного понижено, но ничего страшного. Витаминчиков попьёшь – и всё будет в норме.

Рому стало раздражать панибратство врача. Страх притушился и стал замещаться какой-то другой, более банальной и знакомой эмоцией. Примерно так он ощущал себя в школе, когда его вызывали к доске, а он не выучил урок.

– Мне не нужны витамины! – Рома резко одернул руку. – Мне нужно отсюда уйти. Сейчас же. Вы сказали, я могу уйти

после осмотра. Осмотр закончен?

– Э-э-э, почти, почти! – Белый достал маленький фонарик. – Глазки посмотрю... Смотри на мою бровь! Не моргай! Рефлексы в норме... Зрачки реагируют... Хотя... – Он прищурился, заглядывая Роме в правый глаз. – Странный блеск. Тревожный. Нехороший. Ты сейчас случайно не видишь чего-то необычного? Странных пятен, например? Или вспышек света?

– Здесь всё странное! Ладно, мне надоел этот цирк! – Рома вскочил с кресла, отбрасывая фонарик. – Я ухожу. Немедленно. Где выход?

– Выход? – Анатолий Белый широко улыбнулся. – Выход, конечно, есть дружище! Как же без выхода? Идем, провожу! Все тебя уже заждались. – Он бережно взял Рому под локоть и радушно указал на дверь.

Они шли обратно через огромный зал с койками, мимо мерзкого тёмного пятна на полу, к той самой тяжелой металлической двери, через которую Рома вошёл в лабораторию. Но вместо того, чтобы вернуться в первый зал, Анатолий уверенно свернул в другую сторону. Всё это время он болтал не замолкая:

– Ты только без обид, что тебя сюда положили. Это не от меня зависит. Да, это крыло закрыто на ремонт! Но палаты заняты. А куда мне прикажешь коматозников класть? Я Михайлову говорю – давай их на пятый этаж. А он мне –

им же всё равно, а у меня на пятом роженицы.

В конце коридора была еще одна дверь. Более простая, деревянная. Белый остановился перед ней, отпустил локоть Ромы и с театральным жестом распахнул дверь. За ней была маленькая комната: голая койка, стул, раковина и вентиляционная решётка.

– Пожалуйста! – радушно произнес Анатолий, указывая внутрь. – Комната отдыха!

Рома, почувствовав слабый толчок в спину, невольно шагнул через порог.

– Это же... – начал он, оборачиваясь.

Но было поздно. Дверь захлопнулась перед его лицом с глухим стуком. Щелкнул ключ в замке. Снаружи послышался звук задвигаемой задвижки. Рома с удивлением отметил, что Белый продолжал говорить всё с тем же раздражающим позитивным тоном – будто туристический гид рекламирует дорогой отель.

– Тут можно перевести дух перед выходом, собраться с мыслями. Чистая пижама, вода... Присядь, я сейчас...

Рома бросился к двери, яростно дергая ручку и колотя кулаками по дереву. Она не поддавалась.

– Выпустите! Немедленно! – орал он, тряся ручку. – Вы слышите?! Выпустите!

– Отдохни, дружище! – донесся из-за двери голос Анатолия Белого, все такой же ласковый и беззаботный. – Успокойся, приди в себя! Я надеялся, что ты всё-таки меня узна-

ешь. Но раз нет, то нужен карантин. Как бы чего не вышло.
Отнесись с пониманием. Скоро загляну! Принесу чипсов!
Со вкусом краба, как обещал!

Знакомство

Ночь тянулась как противная липкая смола, которая пачкает и сковывает мысли. Серые стены высасывали тепло, заставляя Рому метаться по комнате. Отчаяние, колючее и тяжелое, сменялось вспышками ярости – он бил кулаком в дверь, пока боль не заставляла остановиться. Потом накачивала апатия, и он сидел, уткнувшись лбом в колени, слушая мерный гул вентиляции за решеткой. Нервы дрожали толстой басовой струной, обещая какую-то музыкальную тему, но она всё никак не начиналась. Мысли кружились, как пойманные мухи: Аня... офис... пицца... любимый компьютер с креслом... – яркие, но бессильные воспоминания против мрака этой комнаты.

Что это за ловушка? Его похитили, накачав какими-то препаратами? Но зачем? Кому это надо? Врагов у него нет, а жизнь протекала ровно, словно большая спокойная река. Даже мечты у Ромы были самыми безобидными – новый компьютер, да поездка в отпуск. Ну, может, быть, ещё внимание Ани... Разве это повод для такой злой шутки?

К утру Рома выдохся, эмоционально сдулся. Физическая усталость пересилила гнев и отчаяние. Он провалился в беспокойный сон.

Его разбудил скрежет задвижки и щелчок замка. Рома

вскочил, сердце бешено заколотилось, ожидая нового сеанса безумия. Но в дверном проеме стояла девушка.

Она была в простой серой форме, похожей на пижаму Ромы, но поверх наброшен не халат, как у Белого, а лёгкий бежевый кардиган. В руках – пластиковый поднос с чем-то дымящимся. И лицо... Рома замер, охваченный волной deja-vu. Черты – форма бровей, разрез карих глаз, даже ямочка на подбородке – были Анины. Но что-то было не так. Волосы, темные и прямые, туго собраны в хвост (а Аня носила волосы распущенными). Выражение лица – сосредоточенное, озабоченное, без привычной задорной искорки. И глаза... В них была какая-то глубокая, неподдельная усталость, смешанная с тоской. Эта девушка была похожа на Аню, но всё же не она. И это сходство-не-сходство пугало больше, чем приторная весёлость Белого.

– Рома... – голос девушки дрогнул. Он звучал хрипловато, как у человека после болезни или рыданий. Она поправила поднос. – Принесла тебе поесть. Каша. – Она осторожно поставила поднос на стул. Пахло пресной овсянкой.

Рома молчал, не в силах оторвать взгляда от ее лица. Смятение охватило его с новой силой. Это она? Не она? Часть жестокой глупой игры?

– Ты... – начал он, голос хриплый. – Ты Анна?

Девушка — Анна – вздохнула, и в этом вздохе была такая искренняя горечь, что Рома невольно сжался.

– Да, Ром. Я Анна. – Она посмотрела ему прямо в глаза,

и в ее взгляде не было ни капли игры, только усталое понимание его муки. – Мы... мы были вместе. До того, как ты... заболел. Упал. – Она сжала руки. – Вчера... тебя нельзя было выпускать. Поверь мне. Ты был не в себе. Говорил страшные вещи, не узнавал места... Мог и себе, и другим навредить. Анатолий... он не зря так поступил. Это для твоей же безопасности. Протокол.

– Протокол? – Рома фыркнул, но без злости, почти бес- сильно. – Запирать людей? И почему... почему ты похожа на нее? – Он не смог сказать «на другую».

Анна покачала головой, и в ее глазах вспыхнуло настоя- щее недоумение, смешанное с тревогой.

– На кого, Ром? На ту... другую? Из твоих видений? – Она произнесла это слово без тени сомнения, как о чем-то абсо- лютно реальном – но реальном только для него. Для неё это были болезненные галлюцинации. – Я не знаю, почему твой мозг рисует тебе меня. Может, потому что я здесь... рядом? Но я это я. Мы познакомились в клубе «Магнит», помнишь? Ты тогда пытался научить меня танцевать тот странный та- нец... – Она попыталась улыбнуться, но получилось печаль- но. – Или помнишь, как мы прятались от вахтёра в теплицах, потому что ты воровал помидоры? Ты назвал его «красным бандитом»... А ещё моя готовка. Ты постоянно шутил про запах носков.

Она говорила тихо, с теплотой, вспоминая детали, кото-

рые явно были для неё дороги. Но для Ромы это были истории из чужой жизни. Он качал головой, чувствуя, как комок подступает к горлу. Её искренность, её вера в эти воспоминания пугала.

– Не знаю, – прошептал он, голос сорвался. – Я не помню. Ничего этого. Я помню... другую жизнь. Другую тебя. Настоящую!

Анна сжала губы. В ее глазах блеснула досада, но она быстро отвела взгляд.

– Это... это болезнь, Рома. Побочный эффект. Твой мозг... он пытается справиться со стрессом, создает целый мир взамен настоящего. Для нас... для меня – это больно. Очень больно. Слышать, что ты не помнишь меня. Но доктора говорят, что это пройдет. Так что, просто успокойся и прими всё, как есть.

Рома посмотрел на неё, на такую похожую и такую чужую Анну. Что ему делать? Кажется, он не раз встречал в кино или книгах похожую ситуацию. Виртуальная реальность? Страшный сон? Психоз? В любом случае, в дальнейших спорах нет смысла.

– Ладно, – сказал он глухо, глядя в пол. – Выпустите меня. Пожалуйста. Я... я не буду буянить. Просто выпустите.

Анна посмотрела на него долгим, оценивающим взглядом. Потом кивнула, и в ее глазах появилось что-то похожее на облегчение:

– Хорошо. Сейчас.

Она повернулась к двери:

– Мы выходим!

Дверь распахнулась шире, и в проёме возникла знакомая широкая улыбка.

– Ромчик! Утренний сеанс позитива прошёл? – Анатолий весело подмигнул девушке, затем обратился к Роме: – Ну что, готов окунуться в бурлящую жизнь Колонии? Все соскучились!

Рома молча кивнул. Анна взяла поднос. Врач широким, гостеприимным жестом указал на открытую дверь:

– Шагай! Свобода, воздух, труд! Наш мир ждет своего героя! Советую первым делом посетить столовую. Сегодня там чудные блинчики на завтрак.

Но сначала Рому привели в маленькую комнату с одеждой – нечто вроде гардеробной. На полках лежали аккуратные стопки серой, бесформенной одежды, похожей на униформу.

Рома не сопротивлялся и не спорил – молча взял первый попавшийся комплект – простые тёмные брюки и такую же тёмную, немаркую рубашку из грубой ткани. Потом обувь – мягкие туфли, похожие на пляжные тапочки.

Одежда была чужой. Размер вроде подходил, но она висела мешком, пахла тем же стерильным химикатом, что и всё здесь. Хотя, вроде, удобно. Могло быть хуже.

Рома переделся за ширмой, ощущая неловкость под их

взглядами – Анны, стоявшей у двери с опустошённым подносом и вечно что-то жующего Белого. Как же бесит эта его привычка! В прочем, это мелочное бытовое раздражение немного примирило Рому с обстановкой. Он стал чувствовать себя немного уверенней.

Засовывая руки в карманы брюк, он нащупал что-то маленькое, твёрдое и знакомое до боли. Его пальцы сжали предмет машинально. Наушники!

Его собственные, чёрные, проводные, с маленьким сколом на левом динамике – он уронил их на асфальт месяц назад. Можно было бы купить новые, но как-то всё руки не доходили. Да и привык он к ним.

Рома замер, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Знакомая вещь была прямо здесь. В кармане чужой одежды. Значит и телефон должен быть... Где телефон? Он судорожно ощупал другие карманы. Пусто. Только наушники. Крошечный осколок его прошлого, затерянный в этом абсурде.

– Ром? Всё в порядке? – настороженно спросила Анна, увидев, что он внезапно замер за ширмой.

Рома быстро сунул наушники поглубже в карман, выдохнул. Не спорить. Подчиняться. Наблюдать. А главное – думать, что делать дальше. Хватит эмоций.

– Да, – ответил он, выходя. – Всё нормально. Одежда... удобная.

– Конечно удобная! Она же твоя собственная. Аня на вы-

бор тебе разное принесла, а ты взял то, в чём был, когда... – Белый запнулся, отряхнул какие-то пылинки с одежды и разгладил складки на спине. – Айда в столовую, а то всё вкусное разберут и придётся обеда ждать! Идём, идём!

Они вышли из больничного крыла в широкий, хорошо освещённый коридор. И тут Рома увидел их. Людей. Десятки, сотни разных людей. Мужчина в очках лихорадочно листал бумаги на ходу, бормоча что-то себе под нос. Девушка рядом громко смеялась, делясь секретами с подругой. Пожилая женщина, пара подростков, молодые мужчина... Каждый пытался плыть в потоке в своём темпе, но не у всех получалось. Толпа подхватывала каждого и диктовало ему свои условия. Ничего особенного. Очень похоже на метро в час пик. Анна взяла Рому под руку, легонько направляя в нужном направлении. Её прикосновение было осторожным, но уверенным.

– Не волнуйся, просто иди с нами, – тихо сказала она. – Скоро освоишься. Тут коридоры параллельно друг другу. Это второй, а нам надо в центральный. Вспоминаешь чего-нибудь?

Они двинулись. Мимо проплывали двери с табличками: «Отдел Ресурсопотребления», «Лаборатория №3 (Биоферментация)», «Архив», «Кабинет Планирования Смен», «Инженерный Сектор». Через открытые двери некоторых поме-

щений Рома видел ряды столов со старыми компьютерами, сотрудников за ними, чертежи и плакаты на стенах. Воздух гудел от шагов и множества голосов. Взгляд Ромы зацепился за незнакомые устройства: какие-то странные офисные приборы, трубки, которые шли в потолок; роботизированные тележки на воздушной подушке, механическая рука, закреплённая под потолком.

При взгляде на всё это Рому охватили воспоминания, как он был когда-то в Политехническом музее. Там тоже в одном зале могли находиться самые разные экспонаты – от прототипа марсохода, до экспериментов юных техников и макетов шагающего экскаватора. Футуристичный дизайн соседствовал с практичным конструктивизмом, а потёртая кожа и тёмное дерево служило фоном для неона и плазменных панелей.

– Так, Ром, слушай сюда, – начал Белый, ловко лавируя в толпе и держась рядом с Ромой. – Пока ты был в отключке, новостей накопилось море! Ввожу тебя в курс дела. Во-первых, ура! Наконец-то починили центральный лифт на шестом! Теперь очередей будет меньше.

– Это правда хорошо, – кивнула Анна. – Я из-за этого как-то чуть на обед не опоздала.

– Во-вторых, – продолжил врач, – слышал про тепличников? Говорят, вывели новый гибрид! Что-то вроде персика, но синего! Съедобное, вроде. Так что, не удивляйся, увидев что-то синее в столовке.

– Синий персик? – Рома дал себе слово молчать и только слушать, но почему-то не сдержался. «Нашёл что спросить! Как будто персики, это самое главное!», ругал он себя, но Белый как будто только того и ждал. Он заговорил ещё громче и быстрее.

– Ага! Прогресс! И в-третьих, запомни: сегодня с утра на телевидении профилактика. Вещания нет до обеда. Так что, вечерний досуг под вопросом. Ты их знаешь – обещали быстро, но могут и до ночи затянуть. Придётся книжки читать или в клуб сходить.

Рома кивнул, делая вид, что воспринимает информацию. «Телевидение». «Клуб». Эти слова висели в воздухе и никак не откликались внутри. Раз уж мы всё равно играем в эту игру, то почему бы и не сделать свой ход?

– А родители? – вдруг спросил Рома, стараясь звучать нейтрально. – Они... в курсе, что со мной?

Анна и Белый переглянулись.

– Родители? – Анна улыбнулась ободряюще. – Конечно! Они в порядке, на Севере, в Шестом Секторе. Мы им пока не сказали о твоём... пробуждении. Чтобы не волновались зря. Ты же понимаешь? Лучше сообщим, когда ты полностью окрепнешь. Тем более, что ты так быстро пришёл в себя. Раз – и уже всё в прошлом.

Рома почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Родители здесь? В «Шестом Секторе». Его настоящие родители жили за тысячу километров, в обычной квартире... Или

нет? Голова закружилась. Он сглотнул.

– Да, – пробормотал он. – Правильно. Чтобы не волновались.

Они подошли к широкой лестнице, ведущей вниз. Толпа густела. Спустившись на уровень ниже, они вышли в просторный лифтовый холл. Несколько лифтовых дверей, очередь перед ними. И тут Рома увидел их. Кислотно-сочные, зелёные, нелепо выделяющиеся на фоне серого бетона указатели со стрелками:

ВЫХОД →

Стрелка указывала в просторный, уходящий вдаль коридор. И в самом его конце... там был свет. Не искусственный свет лампы, а яркий, белый, почти слепящий. Как... как дневной свет. Он игриво лился откуда-то сбоку, словно обещая что-то. Оттуда же доносился приглушённый, но явственный гул – не механический, а живой. Гул множества голосов, движения, возможно, даже... транспорта?

Лифтовый холл бурлил. Рома вспомнил, что у них на работе тоже происходило нечто подобное в обеденный перерыв. Очередь перед кабинками росла, сливаясь в плотную, нетерпеливую массу. Воздух звенел от десятков голосов и множества других непривычных звуков – шипел динамик на стене, а ещё что-то трещало и булькало.

От этой какофонии Рома растерялся, но Анна, крепко

сжимаемая локоть Ромы, уверенно протискивалась вдоль стены. Анатолий шёл впереди, энергично расталкивая толпу.

– Дорогу! Дорогу! – решительно вклинился механический голос справа. Это автоматическая тележка сделала крутой вираж и тоже попыталась раздвинуть людскую стену. Толпа расступилась, но какой-то мужчина неловко метнулся в сторону. Тележка, пытаясь избежать столкновения, резко дёрнулась в другом направлении.

– Ай! Осторожней! – вскрикнула Аня и выпустила руку Ромы. Тележка наехала ей на ногу. Девушка присела от боли, на её глазах выступили слёзы. Первой реакцией Ромы было броситься на помощь, но он увидел, как к Ане уже спешит Белый.

Сейчас! Мысль ударила как ток. Все сложные планы мгновенно испарились, сменившись слепым, животным порывом. Этот свет, этот гул... Это был шанс. Его единственный шанс. Не думая, Рома рванулся от толпы, к зелёной стрелке «ВЫХОД →». Он не побежал сразу – сначала быстрым шагом, лавируя между людьми, стараясь не привлекать внимания. Сердце колотилось как бешеное, весь мир сузился до светлого пятна в конце коридора. Он рискнул оглянуться – в хаосе у лифтов мелькнуло испуганное лицо Анны.

– Рома! – её голос потонул в общем шуме. Белый тоже что-то кричал, пробиваясь к нему, но поток людей снова сомкнулся.

Бежать!

Рома перешёл на бег. Мягкие туфли бесшумно шлёпали по бетону. Он мчался по широкому коридору. Его гнала вперёд надежда на то, что сейчас всё кончится и разрешится. Вот так вот просто и сразу.

Коридор уходил вправо. Рома быстро свернул за угол, готовый увидеть небо, улицу, свободу...

И врезался в пустоту.

Он стоял посреди огромного, ярко освещённого зала. По стенам – ряды потертых, но крепких кресел и диванчиков, на которых сидело несколько человек. Посредине – низкие столики, заваленные потрёпанными журналами. В углу – автоматы с кофе и водой, один из них тихонько булькал. На стене – большой экран, сейчас тёмный и безжизненный. Это была... комната отдыха. Огромная, но абсолютно обычная комната отдыха. Тот «дневной свет» лился из мощных потолочных светильников-прожекторов, имитирующих солнечный спектр. А «гул» доносился из открытых дверей по бокам зала – оттуда действительно шли люди, разговаривали, но это были коридоры, ведущие, вероятно, в другие секторы или к тем самым лифтам. Выхода наружу не было.

Рома замер, задыхаясь. Ощущение было как от публичной пощёчины. Не столь больно, как унижительно. Предательская слабость подкосила ноги. Он стоял, глядя на уют-

ные кресла и журналы, чувствуя, как ярость и отчаяние душат его. Старичок, сидевший прямо перед ним за низеньким столиком, ласково ему улыбнулся:

– Добро пожаловать, сынок!

– Ром! Ну, куда ж ты так! – раздался запыхавшийся, но по-прежнему неунывающий голос Анатолия Белого. Он появился вместе с Аней. Она слегка хромала, её глаза блестели от волнения и обиды. Белый же, напротив, был очень доволен. Его явно забавляло всё произошедшее.

– Ловко ты нас, дружище, провёл! Ха! Прямо как мой хомьяк Стёпа! – Он расхохотался, подходя ближе. – Тот тоже как-то прямо с рук у меня убежал. Я смотрю на него и раз! Его уже и нет! В один миг как будто испарился. А он, поганец, оказывается, по рукаву пиджака мне за спину перебежал.

Рома медленно повернулся к ним. Злость клокотала в нём и искала выход.

– Что это за цирк?! – вырвалось у него, голос дрожал. – Что за дурацкая табличка?! «Выход»?!

Анатолий перестал смеяться, но широкая улыбка не покидала его лица. Он одобрительно кивнул, как учитель прилежному ученику.

– А, табличка! Да это же наш маленький тест, Ромчик! Очень полезный диагностический инструмент! – Он важно поднял палец. – Видишь ли, после пробуждения у многих бывает... э-э-э... острый приступ дезориентации и желания

куда-то сбежать. Наука пока не знает, почему и куда. Неве­ро­ятно, но факт! Раньше мы за беглецами по всему Горо­ду гонялись! Иной раз они в самые неподходящие места лезли, в вентиляцию, к реакторам... Сколько хлопот! А главное – опасно! И для них, и для окружающих. Как-то, ещё в самом начале эпидемии, один деятель шалаш в теплицах построил. Мы его неделю искали, а он там под поливом вымок весь, простыл, да ещё и удобрениями отравился.

Он сделал драматичную паузу, доставая из кармана халата очередную пачку чипсов (оранжевую, со вкусом сыра?).

– Вот и придумали! – щёлкнул он пальцами. – Размести­ли эту милую зелёную стрелочку в ключевых точках. Она ве­дёт... ну, не совсем на выход, конечно. А в такие вот уютные, безопасные зоны отдыха или служебные помещения. Чело­век бежит на свет и шум – инстинкт! – а тут... бац! Упёрся в уютный уголок. Или в нас. – Он хитро подмигнул. – Успо­каивается. Мы его быстренько осматриваем, беседуем. Диа­гностируем степень... э-э-э... дезориентации. Удобно! Эф­фективно! И все довольны. Ты же не хотел попасть в реак­торный отсек, правда?

Анна молчала, глядя в пол. Ей явно было неловко. Оче­видно она не получала от представления того же удоволь­ствия, что и Белый. Рома смотрел на веселящегося доктора, на табличку «ВЫХОД», которая теперь казалась зловещим насмешливым глазом, на уютные кресла комнаты. Что же, всё было куда сложнее, чем он думал. Гораздо сложнее.

После унижительного провала Рома чувствовал себя тенью самого себя. Будто туго надутый резиновый шарик лопнул, превратившись в сморщенную бесполезную тряпку. Голоса Ани и Толи доносились словно сквозь толщу воды. Они вели его по лабиринту и каждый новый поворот открывал очередной отсек гигантского, причудливо устроенного муравейника.

Сначала их втянуло в кинозал. Полумрак, ряды кресел, на огромном экране плыли кадры чего-то похожего на инструктаж по выращиванию зелени в лотках. «Классику крутим! „Урожай Года Тринадцатого“!» – пояснил Толя. Рома лишь скользнул взглядом по застывшим в креслах силуэтам, ловя на себе взгляд пожилой женщины – в нём было не любопытство, а дежурное сочувствие, как к человеку в коляске со сломанной ногой. «Очнулся? Держись, пареньь,» – словно старому знакомому кивнул ему мужчина в потёртом комбинезоне.

Библиотека встретила их тишиной и запахом старой бумаги. Рома любил места, где было много книг. Он обрадовался знакомой атмосфере и подошёл к стеллажам ближе. Полки ломались от технических справочников с кричащими названиями вроде «Основы Рециклинга Воды» или «Биоферментация: Практикум». Рома мельком заметил знакомые

имена на потрёпанных корешках в разделе «Худ. лит.» – Жюль Верн, Стругацкие – но издания были чужими, непривычными. «Тут можно посидеть, почитать...» – Анна тронула его руку, но он лишь кивнул, глядя на людей, погруженных в схемы очистных сооружений. Никто не оборачивался, не удивлялся его присутствию – обычное дело, еще один вышел из карантина.

Характерный гул, запах пота и деловитый стук металла указали на спорткомплекс. Просторный зал, примитивные тренажеры из труб и грузов, потрескавшееся покрытие баскетбольной площадки. «Движение – жизнь! Особенно при нашем графике!» – вещал Белый, ловко уворачиваясь от мяча. Рома видел, как пара подростков, игравших в перекидку, на секунду замолчала, глядя на него, и один что-то тихо сказал другому, явно указывая на Рому.

Мастерские оглушили лязгом станков и запахом машинного масла. Рабочие копошились вокруг агрегатов непонятного назначения. Рома замер перед ржавым корпусом чего-то, напоминающего карликовый бульдозер. «Наш парк техники! – гордо объявил Толя, похлопывая по заляпанной грязи металлической поверхности. – Старички, но работяги!»

Самым ярким и одновременно самым чуждым местом

стали теплицы. Зелень обманывала, давала ощущение простора, свежести и свободы. Но иллюзия рушилась, сталкиваясь с пластиковыми панелями и стальными колоннами. Влажный, сладковато-прелый воздух обволок их. Под безжизненным светом искусственных солнц рядами тянулись лотки с бледной зеленью, корнеплодами странной формы и теми самыми «синими персиками», похожими на восковые муляжи. Техники в белых халатах методично обходили стеллажи, сверяясь с планшетами. Ни шелеста листьев от ветра, ни жужжания насекомых – только монотонный гул вентиляции и мерный стук капель. «Легкие Колонии! – распахнул руки Белый, чуть не сбив ящик с рассадой. – Без них – капут! Красота, да?» Рома смотрел на сизые плоды, и ему казалось, что он тонет в этом густом влажном воздухе. Каждый вдох давался ему трудом, как будто он не дышал, а глотал крупными кусками какую-то плотную вязкую массу.

Экскурсия закончилась в опустевшей столовой. Запах дезинфекции и дешёвых специй висел в воздухе. Завтрак давно кончился, но Толя устроил Роме «исключение»: на подносе появилась порция густой, бежево-серой субстанции, напоминающей разваренную крупу с кусочками неопознанных овощей, и стакан мутноватой жидкости. «Энергия! Витамины!» – похлопал он Рому по плечу. Каша оказалась безвкусной, но съедобной, жидкость слабо пахла минералкой.

– Ну, я побежал! Дела, планерка, пациенты ждут! Аня, ты тут с нашим героем? Проводишь потом в жилсектор, покажешь его комнату? Отдохнуть надо – впечатлений море!

– Конечно, Анатолий, – тихо ответила Анна.

– Отлично! Ромчик, держись! Скоро вольешься в коллектив! – И Белый повернулся, собравшись уходить. Рома хотел уже облегчённо вздохнуть – бойкий доктор действовал ему на нервы, но Толя внезапно вернулся:

– Чуть не забыл. Вот, держи! – он вручил Роме какой-то плотный кусок синей ткани. – Это идентификатор. Прилепи на грудь как орден. Он на липучке – держится крепко.

Рома разглядел на табличке своё имя и какие-то цифры:

– Зачем это? Клеймо прокажённого?

– Эх, Рома... Ты не пленник, а полноценный гражданин. Ходи где хочешь. Никаких ограничений! Но пока не вспомнишь, кто ты на самом деле – это напоминалка, если потеряешься. Любой поймёт, кто ты и откуда – помогут, подскажут, проведут. Можешь и не носить её, если не хочешь.

Рома вспомнил, что браслеты с именем и телефоном носят домашние животные или старики с деменцией. Мдя... Дожил...

Белый ушёл, а Рома начал вяло ковырять кашу. Анна сидела напротив, смотрела в свой пустой стакан. Сидеть молча было невыносимо. Тишина была слишком густой и неловкой.

Рома собрался с духом.

– Анна... – он начал осторожно. – А вы.. Ты сама часто выходишь? Наружу?

Девушка подняла на него печальные глаза. В них было искреннее недоумение. Так взрослые смотрят на ребёнка, который отвлекает их глупостями от каких-то важных размышлений.

– Куда? В зону отдыха? Не особо... Я больше у себя отдыхаю или в кино хожу. Ещё в клуб...

Рома покачал головой, чувствуя, как снова подкатывает противная тошнота:

– Нет. Я не про то. Я про... – он замялся, ища слова, которые не звучали бы безумием, но вся ситуация была сплошным абсурдом. Так что терять всё равно было нечего. – Я про выход наружу. За стены. Из... из Колонии.

Анна нахмурилась. Морщинка легла между бровей. Она выглядела не испуганной, а озадаченной, словно он говорил про рептилоидов, всемирный заговор или теорию плоской земли.

– За стены? – Она произнесла это так, будто слова были лишены всякого смысла. – Ром... там же ничего нет.

У Ромы похолодело внутри.

– Как... ничего? – он прошептал. – Что ты имеешь в виду? Пустота? Пустыня?

Аня пожала плечами, её жест был полон абсолютной, не требующей доказательств уверенности.

– Просто... ничего. Стены – это и есть край. Колония – это всё. Наш Дом. Наш мир. – Она посмотрела на него с легким укором и жалостью. – Ты опять про свои... видения?

Рома почувствовал, как пол уходит из-под ног. Голова закружилась. Опять это мерзкое ощущение безумия и абсурда! Всё повторяется снова и снова. Он не хотел к этому привыкать. Не хотел верить, что так теперь будет всегда.

– Но... но ведь есть другие города! Страны! Океаны! Люди! Цивилизация! – слова вырывались горячими, но бессвязными. – Вы же знаете про это? Из книг! Из фильмов!

Лицо Анна неожиданно просветлело. Потом она улыбнулась, и её лицо смягчилось снисходительным пониманием.

– Ах, ты про сказки? – в ее голосе прозвучало облегчение, будто пазл сложился. – Ну да, в библиотеке есть такие книжки. И в кино иногда показывают старые фильмы – про леса, горы, большие синие озера... города под открытым небом. – Она махнула рукой, отмахиваясь от детской фантазии. – Но это же фэнтези, Ром. Волшебники, драконы, принцессы... Я, когда маленькая была, тоже любила такие истории. Но никто же всерьёз не верит, что это правда.

Рома замер, подавившись словами, что готовы были вырваться из горла. Он сидел, уставившись в тарелку с остатками странной, но съедобной каши, не видя ее. Фэнтези. Сказки. Красивые выдумки. Ему вдруг показалось, что девуш-

ка напротив него стала ещё больше похожа на его прежнюю Аню. Как будто бестелесный призрак сгустился, обрёл чёткие очертания и оброс плотью. Может, она говорит правду?

– Ром? – осторожно позвала Анна. Ее голос доносился издалека. – Ты побледнел. Тебе плохо? Пойдем, я отведу тебя в твою комнату. Тебе надо отдохнуть. Слишком много всего за утро...

Он не сопротивлялся. Позволил ей прикрепить идентификатор себе на грудь. Потом Аня его повела. Ноги двигались сами. Он шёл мимо коридоров, которые казались теперь знакомыми, мимо людей в серой одежде, для которых его кошмар был рядовым медицинским случаем.

Комната. Небольшая, как в скромном отеле. Наверное, в других обстоятельствах её можно было бы даже назвать уютной. Но тут не было ничего личного и комфортного.

– Вот твое место, – сказала Анна, и в ее голосе прозвучала слабая попытка теплоты. – Отдохни. Постарайся уснуть. Я... я потом загляну. Хорошо?

Рома молча кивнул, не глядя на нее. Дверь закрылась. Щелчок замка. Рома рефлекторно подбежал и проверил – дверь легко открылась. Но уходить не хотелось. Нет, он не сдавался – просто решил сделать передышку.

Он стоял посреди комнаты, ощущая холод сквозь тонкую подошву тапочек. В кармане брюк его пальцы нащупали твердые, знакомые очертания. Наушники. Последний оско-

лок кораблекрушения. Последнее доказательство того, что он не сошел с ума. Или... доказательство его безумия перед лицом этой ужасающей, всепоглощающей «нормы»?

Как долго он просто стоял так, не двигаясь, он не знал. В голове не было мыслей. Был только всепоглощающий, немой крик в бездонную пропасть, в которой он теперь навсегда затерялся. Его мир умер. И похоронили его со словами: «Это же сказки».

Принятие

События дня выжали Рому досуха. Его организм, почувствовав даже этот лёгкий намёк на домашний комфорт, потребовал незамедлительной перезагрузки. Стоило ему лишь коснуться головой подушки, как сознание тут же ослабило свою хватку и Рома мгновенно заснул.

Сон не принес облегчения, а стал тяжёлым, безрадостным затяжным прыжком в никуда. Даже в этой темноте его преследовали хаотичные обрывки прежней жизни. Мелькали знакомые лица – коллеги, смеющаяся Аня с чашкой кофе в руке, родители на кухне родного дома. Возникали звуки: звонок телефона, скрип трамвая под окном, щебет воробьев на подоконнике. Образы были расплывчатыми, неуловимыми, как дым, но узнаваемыми до боли. Они тянулись к нему, звали, но растворялись в темноте, оставляя лишь горький осадок тоски. Когда сознание начало медленно возвращаться, он лежал неподвижно, упрямо сжимая веки. Глупая, отчаянная надежда теплилась внутри: «сейчас открою глаза – и всё будет как прежде... Будет утро, солнце, кофе...». Он медленно приоткрыл веки. Нет!

Всё тот же потолок с сеткой трещин. Шершавая поверхность бетонных стен. Монотонное жужжание вентиляции за решеткой. Колония. Она не растворилась, как кошмар.

Она была здесь. Твёрдая, незыблемая и уверенная в своей собственной реальностью. Комок подкатил к горлу, горький и обидный. За что ему всё это? Рома чувствовал себя маленьким брошенным ребёнком. Он застонал, перевернулся на бок, уткнулся лицом в незнакомую подушку. Спать больше не хотелось, но и встать не было сил.

Он заставил себя сесть, ноги свинцовыми колодами опустились на прохладный линолеум пола. Комната предстала перед ним в утреннем свете светильника – уже не такая пугающая, как вчера, но всё равно чужая. У стены стоял простой металлический комод с выдвигаемыми ящиками, рядом – складной стул из потертого пластика. Над раковиной висел круглый плафон на шарнире, отбрасывающий резкий свет. И вдруг... что-то щёлкнуло в мозгу. Возникло странное ощущение «знакомости», будто в эту безликую каморку за ночь проникли призраки его прошлого. Взгляд заметался, ища детали.

Жёлтый карандаш с надгрызенным кончиком на комод? Точь-в-точь как тот, что он потерял в первом классе! Он чуть не подскочил, но замер. Обычный карандаш, таких много... Плафон? Его грубоватая форма, матовое стекло – напомнили бабушкину кухонную лампу, только та была в зеленом абажуре. Совпадение? А может, ему мерещится? Отчаянно оглядываясь, он искал вещь, которая подтвердила бы связь с прошлым, но чем дольше смотрел, тем больше знакомые черты расплывались, растворяясь в банальности этого места.

Вчерашние слова Белого о «ложных воспоминаниях» вдруг обрели неприятный вес. От этой мысли стало дурно.

Он встал, подошел к раковине, плеснул в лицо холодной воды. Жидкость пахла слабой хлоркой и металлом. Ощувтив лёгкий прилив бодрости, Рома переоделся в практичные, неброские брюки и рубашку из плотной ткани – одежду, в которой тут ходили все. Она явно массового пошива, но удобная для работы. Синяя бирка с именем лежала рядом. Рома посмотрел на неё с неприязнью. «Напоминалка». «Ярлык». Он сунул ее в карман брюк, туда же, где лежали наушники. Пусть будет, на всякий случай. Но выставлять напоказ – ни за что!

Теперь какой план? Рома проснулся довольно поздно – в коридорах всюду шумела толпа, но к нему никто так и не пришёл. Значит, он предоставлен самому себе. Надо продолжить изучение этого странного места.

Выйдя в коридор, он ощутил прилив странной уверенности, который вселила в него бытовая суета. Люди вокруг спешили по своим делам, никто не обращал на него никакого внимания. Лишь пара встречных скользнула мимолетным взглядом, скорее рассеянным, чем любопытным. Это успокаивало. Сам по себе, без сопровождения Белого, он был просто одним из этой толпы.

Память услужливо подкидывала картины из вчерашнего

дня. Налево, теперь вперёд через металлическую арку и снова налево. Кажется, он начал понемногу осваиваться.

Столовая гудела. Воздух был густым от смеси запахов: пресной вареной крупы, дешевых специй, чего-то сладковато-химического и едва уловимого – как будто горелой изоляции. Рома взял поднос. Помимо привычной серо-бежевой каши с кусочками неопознанных корнеплодов, ему положили странный сизый плод, напоминающий сливу – тот самый «синий персик». И стакан мутноватой жидкости.

Нашёл свободный уголок. Ел медленно, наблюдая. Люди оживленно переговаривались, спорили о графиках смен, о поломке вентиляции в четвертом секторе, о новой группе, которая должна играть вечером в клубе «Магнит». Обыденная рутина. Ни тени тоски или даже упоминания о «внешнем мире». Для них Колония была единственным миром. Целым и завершенным. Мысль о том, что Аня, возможно, говорила правду, снова кольнула холодом. Он откусил кусочек сизого плода – мякоть была водянистой, с травянистым привкусом. Энергия. Витамины. Что ещё надо для жизни?

После завтрака он просто пошёл. Без плана. Шёл по бесконечным коридорам, сворачивая наугад, читая таблички: «Склад Комплектующих», «Диспетчерская Грузоперевозок», «Медпункт Сектора Б». Город жил своей размеренной, кипучей жизнью. Воздух в разных местах менялся: где-

то пахло озоном и металлической пылью, где-то – резиной и маслом, в других местах – той же сладковатой химией или просто пылью. Стены были не только бетонными, но и металлическими, обшитыми потертými пластиковыми панелями, кое-где виднелись трубы, обернутые изоляцией. Цветовые пятна были редки, но присутствовали: оранжевые нашивки на комбинезонах ремонтников, желтые предупреждающие знаки на дверях, зеленые листья в крошечных горшках на некоторых подоконниках.

Разнообразные необычные машины и механизмы, вроде самоходной тележки, удивляли лишь на первый взгляд. Здесь они были в довольно неприглядном виде – старые, потёртые и порой сломанные, но всё это Рома уже где-то видел. По крайней мере, было у него такое ощущение.

Чтобы как-то отвлечься, Рома вообразил себя разведчиком, прямо как в кино. Он старался вести себя естественно и сливаться с толпой. Он нашёл широкую лестницу, уходящую вниз. Если где-то и могла скрываться дверь наружу, или хотя бы намёк на иное пространство, то, вероятно, там, в глубинах этого искусственного исполина.

Он начал спускаться. Этаж за этажом. Воздух становился прохладнее, сырее, запах машинного масла, металла и старой смазки – гуще и навязчивее. Людей встречалось все меньше, коридоры сужались, чаще попадались зарешеченные склады и помещения с гудящим оборудованием. Глу-

пая надежда теплилась: сейчас, за следующим поворотом... дверь, шахта, хоть что-то! Вдруг эта грандиозная декорация где-то кончится и вот она – разгадка всего. Он ускорил шаг, почти бежал вниз, игнорируя тяжесть в ногах. Вот последний пролет, последние ступени... Рома спустился на небольшую площадку и замер.

Лестница упиралась прямо в глухую, грубо залитую бетоном стену. Никаких дверей, люков, переходов. Сплошной, непроницаемый тупик. Поверхность была холодной, шершавой, покрытой слоем пыли и непонятных мелких брызг. Абсолютный предел. Ниже не было ничего. Только основание Колонии. Только конец пути. Граница вселенной, заявленная Аней, обрела физическую форму.

Рома схватился за поручень и прислонился лбом к холодной, бесстрастной поверхности. Знакомое отчаяние захлестнуло его. Не надо было впускать в душу надежду! Хорошо, что хоть в этот раз его никто не видит, не хватает за руки и не говорит утешительных слов. Он простоял так, не двигаясь, слушая собственное дыхание и далекий гул машин где-то сверху, пока липкий холод не проник в самые кости. Тогда он развернулся и медленно, устало потопал обратно вверх.

Поднявшись на несколько уровней, он вышел в шумное, оживлённое пространство. Мастерские. Воздух звенел от производственного шума – лязга металла, визга станков, грохота падающих деталей и перекрикивающихся голосов.

Люди в комбинезонах разных оттенков серого и синего сновали между верстаками, что-то переносили туда-сюда. Сбитый с толку этой суетой, Рома неосторожно зашёл слишком далеко. Потом он попытался сориентироваться, найти выход из этого промышленного лабиринта, но быстро потерял нужное направление. Коридоры между цехами были похожи, повороты вели в тупики или снова к знакомым агрегатам. Он свернул за угол, прошел мимо рядов гудящих токарных станков, миновал стеллаж с заготовками, свернул еще раз – и снова увидел тот же ржавый корпус мини-бульдозера. Он ходил по кругу и почувствовал себя песчинкой, затянутой в жернова огромного, равнодушного механизма.

«Любой поймёт, кто ты и откуда – помогут, подскажут, проведут». Слова Белого прозвучали в голове с едкой иронией. Рома выкинул белый флаг. «Ладно, сдаюсь!». В приступе отчаяния, почти с ожесточением, Рома сунул руку в карман, вытащил синюю пластиковую бирку и шлепнул ее липучкой на грудь рубахи, прямо над сердцем. «Роман. Сектор Мед. Карантин». И это стало очередной победой Города.

Рома сделал всего несколько шагов, протискиваясь мимо рабочих, толкающих тележку с громыхающими трубами, как почувствовал лёгкое прикосновение к локтю. Обернулся.

Перед ним стоял тот самый старичок с округлым, добродушным лицом и внимательными глазами, которого он видел вчера в зоне отдыха у ложного «ВЫХОДА». Тот самый,

что приветствовал его: «Добро пожаловать, сынок!». Старик улыбался, его взгляд скользнул с лица Ромы на бирку на его груди.

– Заблудился, сынок? – спросил он тёплым, хрипловатым голосом, похожим на скрип добротной старой мебели. – Вижу, новенький ещё после отключки... Куда путь держишь? Я тебе дорогу укажу. Меня дядей Геной зовут.

Облегчение от того, что проблема решилась, тут же сменилось у Ромы потоком вопросов, рвущихся наружу. Он открыл рот, чтобы спросить обо всём сразу – о Колонии, о стенах, о выходе, о том, кто они такие – но его слова утонули в оглушительном грохоте цеха. Только что включившийся перфоратор заглушил начало фразы, а визг циркулярной пилы перекрыл всё остальное. Рома тщетно кричал, жестикулируя, но старик лишь с сочувствием покачал головой, приложил ладонь к уху, показывая, что не слышит. Гена кивнул куда-то в сторону и двинулся вдоль стены, уводя Рому подальше от шума. Они миновали пару поворотов, прошли мимо гудящего трансформатора, и Гена толкнул тяжелую металлическую дверь. Она легко мягко открылась, и они шагнули внутрь.

Контраст был ошеломляющим. За дверью воцарилась абсолютная, давящая тишина. Такая же, как в том первом зале, где он проснулся. Рома даже вздрогнул – неужели звукоизоляция здесь настолько идеальна? Он огляделся. Цех был

огромным, гораздо больше предыдущего, и почти пустым. С боку стояли какие-то ящики и на полу лежали то ли инструменты, то ли части механизмов. Высокие потолки терялись в полумраке. Мощные стальные балки перекрытий тускло чернели на фоне более светлого бетона. Освещалась лишь центральная площадка под слабыми пыльными лампами дневного света. Углы тонули в глубокой, непроглядной тени. Воздух был прохладным и застоявшимся. Пахло как в старом заброшенном гараже.

Гена остановился в конусе свет. Под этими лампами его лицо выглядело землистым и гораздо более старым. Рома невольно понизил голос до шёпота – громкие звуки здесь казались бы кошунством, а эхо разносило бы их по всему огромному залу.

– Дядя Гена... – начал Рома, голос его звучал неестественно громко в тишине. – Я... у меня столько вопросов. Я не понимаю ничего. Кто вы? Где мы? Что это за место?

Старик коротко выдохнул, будто готовясь поднять тяжёлый груз.

– Давай на «ты» перейдём сразу. Я чувствую, нам с тобой предстоит долго общаться. Сынок, вопросы-то у тебя хорошие, да только... – он покачал головой, – на всё сразу ответить – не выйдет. Не поверишь ты, да и не поймёшь. Ты ещё не готов. Ты должен сначала сам пройти всё. А иначе просто по кругу будешь ходить. Сказка по Белого бычка – слышал такую?

Рома сжал кулаки, стараясь сдержать раздражение:

– Не готов? Вы что, тут все заодно? Я хочу знать хотя бы главное! Хотя бы попробуйте объяснить. Вдруг пойму? Где мы находимся? Это что – гигантский бункер? Небоскреб? Космический корабль?

Гена махнул рукой, словно отмахиваясь от несущественного.

– А какая разница-то? Небоскреб, бункер... Суть не в том, что за стенами. Суть в том, что здесь. Это – реальность. Единственная, что у нас есть. И она, – он ткнул пальцем в бетонный пол, – вот она. Более чем реальна. Пока её не узнаешь, не примешь – ничего не выйдет.

– Но Город... – не унимался Рома, чувствуя, как досада занозой колет его. – Кто эти люди? Что они тут делают? За чем всё это?

Лицо Гены омрачилось, в глазах мелькнуло разочарование.

– Ты меня не слышишь. Я об этом и говорю... Видишь ли, Роман... ты опять не о том спрашиваешь. Не о главном. А потому я не могу тебе ответить так, чтобы ты понял. Ты спрашиваешь про стены, а надо – про то, что внутри них. Про жизнь, про людей, про себя... Тут ведь у каждого свои ответы на вопросы. Например, мои тебе могут не подойти. К тому же я сам не уверен, что мои ответы верные.

Старик замолчал, глядя куда-то в темноту.

Рома не выдержал. Злость, копившаяся с момента пробуждения, прорвалась:

– Что за дурацкие загадки?! – его шепот сорвался на шипение, эхо отозвалось где-то вверху. – Неужели нельзя сказать прямо? Вы все знаете что-то, чего не знаю я! Скажи то, что знаешь!

Вместо ответа Гена медленно расстегнул верхнюю пуговицу своего рабочего комбинезона. Под ней, на груди, поверх рубахи, была прикреплена точно такая же синяя бирка, как у Ромы. На ней четко выделялось имя: «ГЕННАДИЙ». И те же непонятные цифры.

– Ты... ты тоже... после «отключки»? – с трудом выдавил Рома.

Гена не ответил. Он лишь печально улыбнулся, наслаждаясь произведённым эффектом.

– Ну, раз так... А ты сам? – спросил Рома тихо, но так, что вопрос прозвучал громче любого крика. – Неужели не хотел узнать? Неужели не хотел выйти?

Тогда Гена молча повернулся и сделал несколько шагов к ближайшей стене, скрытой в полумраке. Его рука нащупала выключатель, спрятанный в тени. Его щелчок прозвучал в тишине как хищный удар, ломающий хрупкую преграду.

Над ними, под самым потолком, с треском зажглись несколько мощных прожекторов. Их слепящие лучи ударили в стены, выхватывая из темноты жуткую картину.

Стены гигантского цеха, на высоту человеческого ро-

ста, были изуродованы. Искорёжены. Изувечены. Это были не просто царапины или сколы. Это были глубокие, отчаянные раны, нанесённые бетону. Воронки от ударов тяжёлыми предметами. Глубокие, узкие трещины. Обширные выбоины, как от взрывов. Следы зубил, ломов, дрелей, а где-то – словно от когтей какого-то гигантского зверя. Шрамы разных форм, размеров и глубины, наложенные друг на друга в чудовищном калейдоскопе отчаяния. Одни были старыми, запыленными, другие – казалось, совсем свежими. Это были следы множества людей, в разное время, с разных сторон, пытавшихся пробить выход. Пробить настоящий выход из Колонии.

– Ну, вот тебе точный и правдивый ответ на один из твоих вопросов, – печально сказал Гена.

Рома стоял, не в силах оторвать взгляда от этого памятника безумию и надежде. Его дыхание перехватило.

Гена подошёл к одной из дыр. Она была не самой большой, но одной из самых глубоких – узкий, уходящий вглубь стены тоннель, высотой в человеческий рост. Стенки его были неровными, покрытыми сколами и царапинами от инструмента. Глубина была впечатляющей – метров пять, не меньше. И в конце этого рукотворного ущелья... всё тот же серый, непробиваемый бетон.

– Моя, – просто сказал Гена, постучав костяшками пальцев по краю дыры. Голос его был глухим, лишённым эмо-

ций. – Долго долбил. Думал... ну, думал много чего. – Он обернулся к Роме. В его глазах не было ни злости, ни упрёка, лишь глубокая, неизбывная усталость и что-то похожее на сочувствие. – Заблудился я тогда, как и ты. И решил... проверить.

Он помолчал, глядя в темноту тоннеля.

– Бетон. Только бетон. Сколько ни дрови. – Гена выдохнул, и этот выдох прозвучал как стон. Потом он повернулся к Роме, его взгляд стал чуть острее. – Но если хочешь... если тебе надо проверить самому... – он кивнул на бескрайние, изуродованные стены цеха, – место есть. Инструмент найдёшь. Можешь продолжить мою. Или свою начать. Выбор твой, сынок. Выбор твой.

Гена замолчал, уставившись куда-то в пространство над стеной, в черноту потолка, будто ожидая, что Рома сейчас схватит лом и бросится крушить непокорный бетон. В тишине мёртвого цеха его дыхание стало громким и тяжёлым.

Рома медленно обошел периметр гигантского цеха, его шаги гулко отдавались в звенящей тишине. Он вглядывался в каждый шрам, каждую выбоину на бетоне, ощупывал пальцами острые сколы, глубокие трещины. Отчаяние, выплеснутое на стены сотнями рук, было осязаемым.

– А другие места? – спросил он, не отрывая взгляда от особенно глубокой борозды, похожей на след от гигантского когтя. – Неужели только здесь? В других частях Колонии?

Наверху? Внизу?

Гена затянулся самокруткой, дым струйкой поплыл вверх, к темному потолку.

– Без разницы, сынок. Пробовали везде. Где стена и никто не мешает – там и пытались. Я сам, – он ткнул пальцем в грудь, – ещё в двух местах долбил. Наверху и... – он задумался, вспоминая, – да, на лестнице. Рядом с входом в мастерские. Где она в бетон упирается.

Рома обернулся, удивленный.

– На лестнице? Я же там был! Ничего не видел! Там чистая стена!

Гена усмехнулся, уголки глаз собрались в паутинку морщин.

– А теперь, когда я сказал, – заметишь. Пойди, посмотри. Колония любит прибираться. Заметает... мусор под ковёр. Но знаки остаются. Для тех, кто знает, куда смотреть.

Рома почувствовал холодок по спине. «Заметает мусор». Эта фраза звучала зловеще.

– А нормальный выход? – спросил он, отчаянно цепляясь за логику. – Дверь, ворота, люк? Неужели нет никакого? Даже для грузов? Для мусора? Технический люк в полу? В потолке?

Гена затянулся снова, долго выдыхал дым.

– Слухи... слухи ходят. – Его голос стал тише, заговорщицким. – Кто-то, вроде бы, даже смог выйти. Давно. Но... – он посмотрел Роме прямо в глаза, – никто не возвращался.

Точно. Никто. А я... – он помолчал, будто колебался, – я один раз наткнулся на странную дверь. Не такую, как остальные – металлическая, без таблички, без ручки, гладкая. Я... я пробовал её открыть. Дёргал, бил кулаком, плечом... Ничего! Решил вернуться с ломом, фомкой... – Гена замолчал, его лицо дёрнулось от нервного тика. – Вернулся через пять минут и не нашёл. Я уверен, что это было то же самое место! Я не мог ошибиться! Не мог! Я искал две недели. Каждый метр простукивал, каждую трещину осматривал. До нервного срыва, сынок. До белой горячки.

Рома слушал, замороженный. А Гена возбуждённо ходил взад-вперёд.

– А ты... – начал Рома, глотая ком в горле. – Как ты сюда попал? Тоже... проснулся?

Гена кивнул, пепел с самокрутки осыпался на пол. Только сейчас Рома заметил, как сильно трясутся руки старика.

– Несколько лет назад. Точь-в-точь как ты. Заснул в своей камерке после смены – проснулся тут. Всё как в тумане сначала. Потом... – он кивнул на стены, – пошло-поехало.

Вдруг в глазах Ромы что-то щёлкнуло. Обрывки мыслей, теорий, всплывавших за последние дни, сложились в единую, пугающую, но логичную картину. Он схватил Гену за рукав, голос его сорвался на визгливый шёпот:

– Гена! А если это... если это не реальность? Не бункер! Не Колония. Если это... симуляция? Виртуальная реальность? Компьютерная игра? – Он заговорил быстрее, воз-

бужденно, слова лились потоком. – Вот он – предел! Бетонная стена, как в играх! Невидимый барьер! Она не пускает игрока дальше отрисованной локации! А люди... – он оглянулся, словно боясь, что его услышат, – Аня, Белый, рабочие... они же НПС! Неигровые персонажи! Запрограммированные сущности! Они не настоящие! Они просто... часть системы!

Рома ждал скепсиса, насмешки, отторжения. Но вместо этого лицо Гены преобразилось. Усталость и печаль как ветром сдуло. Его глаза загорелись лихорадочным, почти юношеским восторгом. Он схватил Рому за обе руки, его пальцы, грубые и сильные, сжали до боли.

– Сынок! Ромка! – он зашептал горячо, дыша табаком Роме в лицо. – Да ты молодец! Зря я в тебе сомневался. Очень быстро дошёл! А я целый год домысливал! А ты... ты за пару дней! – Он засмеялся, звук был сухим и неприятным. – У меня... у меня есть план! Для него нужен именно такой, как ты! Я как тебя увидел, сразу понял – то, что надо.

Гена отпустил руки Ромы и быстрыми шагами направился к грудe ящиков в углу, там, где царилa самая густая тень. Он отодвинул пустой ящик, с шумом стащил с какого-то кожуха лист промасленного брезента. Рома невольно шагнул назад. Оттуда Гена извлек... ружье.

Оно было грубым, собранным из кусков металлических труб, толстой проволоки и деревянных накладок. Прими-

тивный обрез, похожий на детскую самодельную игрушку, но в нём было что-то смертельно серьезное. Лицо Гены в тусклом свете было искажено. Одна из ламп на потолке замигала, готовясь перегореть, и от этого всё вокруг приобрело совершенно жуткий вид.

– Вот! – прошипел старик, протягивая ружье Роме стволом вперед. – Вот выход! Единственный настоящий! Застрели меня, Роман! Сейчас! Прямо здесь!

Рома отпрянул, как от удара током. Сердце бешено заколотилось, в глазах потемнело.

– Ч-что?! – он прохрипел. – Ты с ума сошел?! Застрелить тебя?! Да почему я?! Почему ты сам... сам не...? – Он не мог договорить.

В глазах Гены вспыхнула ярость, смешанная с животным страхом. Он вдруг закричал, и его сорванный голос, ударил в бетонные стены, отражаясь жутким многоголосым эхом:

– Не могу! Понимаешь?! САМ НЕ МОГУ! Система не дает! Не выпускает! Руки не слушаются! Мысль не формируется! Как только пытаюсь – всё плывёт, темнеет, откатывается назад! Я пробовал! Сотни раз! – Он тряс ружьем в воздухе, слюна брызгала изо рта. – Только кто-то другой! Чужой! Не из системы! Ты! Ты можешь! Ты – игрок! Ты можешь выйти, только если убьешь НПС! Меня! Убей меня, Роман! Выпусти меня отсюда! СДЕЛАЙ ЭТО!

Он рванулся к Роме, суя ему в руки тёмный металл ствола. Его глаза были безумными, полными мольбы. Куда дел-

ся прежний добродушный старичок? Теперь это был сгусток злой энергии, который втягивал в себя всё вокруг.

Запах пороха и масла ударил Роме в ноздри. Он отшатнулся, вырвался, споткнулся о какую-то деталь на полу и упал на спину, отползая по липкому бетону от несущегося на него старика с самодельным ружьем в руках и бесконечной, всепоглощающей тоской в крике, который заполнил весь мертвый цех.

Рому словно парализовало и Гена сунул ему ружьё в руки. Грубый обрубок приклада больно упёрся в грудь. Это привело Рому в чувство. Инстинкт самосохранения и глубинное отвращение к насилию сработали раньше мысли.

– НЕТ! – Рома отдернул руку назад, как от раскаленного железа. – Я не буду! Ни тебя, никого! Это безумие! – Он отшвырнул самодельное ружье на бетонный пол. Оно грохнулось, подпрыгнуло и замерло у ног Гены.

Экзальтация в глазах старика погасла, сменившись горькой обидой. Его плечи сгорбились и сам он, казалось, стал ниже ростом.

– Так и знал, – глухо прошипел он. – Я говорил, что мало времени прошло. Ты не готов. Не прошёл ещё через то, через что я... – Он покачал головой, глядя на Рому с жалостью, граничащей с презрением. – Надо самому дойти до края. Самому попробовать. Перебрать варианты. Тогда... тогда и поймешь.

Рома обернулся, готовый бежать – вырваться в коридор, к свету, к людям, к чему угодно, лишь бы подальше от сумасшедшего старика.

Гена медленно, словно стараясь не спугнуть жертву, потянулся к брошенному ружью:

– Хорошо. Раз ты трусишь, тогда я тебе сделаю одолжение и вытащу из этого кошмара. Лучше прямо сейчас, чем годы, как я, мучиться.

– СТОЙ!

В проеме открытой двери, залитые светом из коридора, возникли фигуры. Два крепких охранника в униформе и между ними – Анатолий Белый. На нём не было привычной улыбки. Его лицо было напряженным, сосредоточенным, а взгляд – острым, как скальпель.

– ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ! – голос Белого, непривычно твердый и громкий, прокатился по цеху. – ПОЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ! СПОКОЙНО! ВЫХОД ЕСТЬ!

Гена вздрогнул, как от удара током. Его лицо исказилось гримасой чистой, животной ненависти.

– Ты меня сдал этому живодёру! Стукач! – завопил старик, слюна брызгала изо рта. Он резко бросился к оружию.

Охранники среагировал мгновенно. Раздалось два почти слившихся хлопка. Пули попала Гене в грудь. Он сложился, как тряпичная кукла, и рухнул на пол. Самодельное ружье вывалилось из его рук. Из груди сочилась темная лужица, быстро расплываясь по серому полу. Его глаза, широко от-

крытые, смотрели в потолок с выражением странного, внезапного удивления.

Рома встал, дрожа всем телом. Он смотрел на тело Гены, не в силах оторвать взгляда. Комок подкатил к горлу, всё перед глазами расплывалось в серую муть.

Белый тяжело вздохнул, подошел к телу, наклонился, быстро проверил пульс на запястье. Потом выпрямился, отряхнул руки о халат и повернулся к Роме. На лице врача появилось выражение усталой озабоченности и легкого, почти отеческого укора.

– Рома... Рома, – покачал головой Белый. – Ну что же ты? Взрослый же человек. Мы вроде всё обговорили? Аня говорила, ты в норме, успокоился, адаптируешься... – Он развел руками, оглядывая мрачный цех. – И вот это? Поверил явно нестабильному, психически больному человеку? Повёл с ним дурацкие разговоры? В таком месте?

Рома наконец оторвал взгляд от Гены. Ужас и тошнота сменились гневом.

– А ЭТО?! – он ткнул пальцем в изуродованные стены, его голос сорвался на хриплый крик. – Это что?! Его больная фантазия?!

Белый взглянул на Рому с выражением лёгкого недоумения, как будто Рома сказал какую-то глупость.

– А, это? – Он махнул рукой, как отмахиваются от надоедливой мухи. – Ты разве не видел табличку при входе? Это

испытательный полигон для техники и инструментов. Сюда приносят новое оборудование – проверяют на прочность. Смотри внимательней, – Белый указал на ящики у дальней стены, которые Рома в полумраке принял за склад хлама. Охранник открыл один из них. Внутри Рома увидел аккуратно уложенные корпуса механизмов, похожих на компактные отбойные молотки и мощные дрели. – Видишь? Инструмент.

Рома почувствовал, как почва уходит из-под ног. Картина мира снова трещала по швам. Но оставался главный, жгучий вопрос.

– Откуда вы узнали? – прошептал он, чувствуя, как сохнут от волнения губы. – Как подросли так вовремя?

Белый посмотрел со смущенной ухмылкой. Рома видел его таким впервые.

Врач подошел ближе и указал пальцем на синюю бирку, всё ещё прилепленную к груди Ромы.

– Ну... в одном Гена, был прав. Ты его сдал. Хотя и не по своей воле. – Белый постучал ногтём по бирке. – Маячок и микрофон. Маленький, незаметный, но очень чувствительный. Активируется, как только ты идентификатор прилепляешь на одежду. Мы слышали весь ваш... э-э-э... философский диалог. И поняли, что пора вмешаться. – Он вздохнул с преувеличенной скорбью. – Жаль, не успели раньше. Гену мы давно наблюдали, но он был осторожен. А ты... ты сам подал сигнал, надев её. Мы просто пришли

на твой зов о помощи. Пусть и не озвученный вслух.

Рому охватила волна стыда и унижения.

– Шпионить?! Это подло! Вы следите за каждым моим словом?! За каждым шагом?!

Белый пожал плечами, его лицо выражало не наигранное, а подлинное удивление.

– Подло? Роман, а что делать? – Его голос стал мягче, убедительным. – Что ты сам-то предлагаешь? Связывать тебя и таких, как ты? Запирать в камеру на неопределенный срок? Как опасное животное? – Он сделал шаг ближе, его взгляд, казалось, ощупывал Рому. – Разве это лучше? Мы даем свободу передвижения. Доверие. Возможность осмотреться, вспомнить, где ты, прийти в себя. Ну и страхуемся. Как без этого? Страхуем тебя от самого себя и от таких вот... – он кивнул в сторону Гены, – трагических ошибок. Чтобы вовремя прийти на помощь. Как сегодня. Ведь пришли? Помогли? Спасли тебя?

Рому опустил голову как провинившийся школьник. Сил спорить не было, да и прав был Белый. Крыть-то Роме нечем! У него осталась только глухая, всепоглощающая усталость и горькое осознание полного поражения. Поражения не в схватке с Геной, а в столкновении с самой реальностью, её правилами и чужой волей. Он был пешкой в чьих-то руках. И пешкой останется.

– Да, – прошептал он глухо, глядя на свои пыльные, дешёвые ботинки. – Помогли. Спасибо.

В его голосе не было ни капли благодарности. Только вынужденное, безоговорочное признание. Белый удовлетворенно кивнул, как врач, наконец-то заставивший нерадивого пациента принять лекарство. На его лицо вернулась привычная улыбка. Он ласково взял Рому под локоть:

– Пойдем, Ромчик. Тебе нужно отдохнуть. И выпить чего-нибудь успокоительного. Ты сегодня дошёл до грани, но смог вернуться обратно. А это нелегко.

Внутри кроличьей норы

Как только Рома вернулся в обстановку, где было хоть что-то знакомое, он начал ощущать себя гораздо спокойней. Его сознание, как якорь, цеплялось за какие-то уже привычные вещи в этом море абсурда. Кровать, в которой провёл ночь, еда в столовой, Аня...

Рома ощущал себя новичком в школе. Всё вокруг чужое – правила, люди и даже запах. Но ведь ему лично, вроде, ничто не угрожает! Тут распорядок, работа, люди, занятые своим делом. Всё, как и везде. А абсурд и загадки? А где без них?! Он решил затаиться, как зверь – слиться со средой. Может, и правда, та жизнь – сон? – эта мысль, как назойливый радиопомех, все чаще звучала в голове.

Его провели через лабиринты переходов и комнат в кабинет Главы Сектора. Всё здесь напоминало скорее какое-то техническое помещение, а не офис: прочный металлический стол, карты на стенах, похожие на схемы метро, многочисленные коробки с проводами и деталями.

В Секторе IT царил полумрак, разрываемый лишь мерцанием десятков древних ЭЛТ-мониторов, похожих на глаза огромных спящих роботов.

Его встретил шеф – Виталий, тощий человек в необычно выглядящей тут яркой футболке, и коллеги – Паша и Ната-

ша. И снова Рому грубо проткнуло насквозь воспоминание – точно такая же пара коллег была у него и на прежней работе. Только звали их, кажется, Саня и Таня. Очень похожие друг на друга парень и девушка. Оба с коротким ежиком волос, умным, но равнодушным взглядом и нескладными движениями.

«Пока, на первое время, ничего сложного, Ром», – буркнул Виталий, указывая на заваленную хламом комнатушку. – «Вынеси этот древний хаб, пару коробок с перфокартами и этот монитор-динозавр. Освобождаем площадь под новый серверный шкаф. И вот...» – он подвел Рому к одному из терминалов, более современному, но всё равно похожему на экспонат из музея. – «...твой старый комп. Система паролей сброшена, разумеется. Сиди, вспоминай интерфейс, поройся в логах, почитай почту. Входи в курс. Пока не вспомнишь всё, будем считать, что ты – грузчик и стажёр».

Рома кивнул. Таскать коробки со старым железом было медитативно. Чем больше занимаешься физическим трудом, тем меньше нагрузка на уставший мозг. А за терминалом... Казалось, одновременно с компьютером он запустил какую-то программу внутри себя. Знания всплывали автоматически. Знакомые строки кода, знакомые названия утилит, а вот и его собственные комментарии. Пальцы сами вспоминали комбинации клавиш. Вход в почту. Это точно его письма! Вот язвительный ответ коллеге, которая в очередной раз забыла пароль. Вот просьба завхозу починить стул. Вот заяв-

ка на новую клавиатуру. Таких писем сотни – он тут работал лет пять, как минимум.

Странное чувство дежавю смешивалось с противным мелочным страхом, будто он страдал синдромом самозванца. Рома злился, но никак не мог избавиться от этого чувства. Ему хотелось кричать, что это не он так решил, что он не притворяется и не хочет никого обманывать. Но он сдержался. Пускай! Раз надо играть роль, он будет. Посмотрим, зачем это всё и кому оно надо!

Коллеги перебрасывались техническим жаргоном, смеялись над внутренними шутками про «глюки вентиляции». Жизнь шла. Может, и его жизнь теперь здесь?

Приглашение пришло через общий чат Сектора. Сухой текст: «Церемония реинтеграции органики Геннадия Полякова. Сектор Утилизации, уровень 4. 14:00.»

Не сразу Рома понял, что это похороны дяди Гены. Идти не хотелось, но, наверное, надо...

Сектор Утилизации встретил Рому неприветливо – а как же иначе?! Что хорошего могло тут случиться? Да и само событие не давал никаких поводов для радости. В помещении, напоминающем операционный блок – белый кафель, стальные поверхности, яркие неоновые лампы – собралось человек двадцать. Аня стояла рядом с Белым, лицо врача бы-

ло непривычно серьезным, почти скорбным. Гроб был простым, металлическим, похожим на космическую спасательную капсулу. Это сходство усилилось, когда гроб задвинули в узкую нишу. Вылитая шлюзовая камера! Оператор в защитном костюме нажал кнопку.

Раздался негромкий визг, похожий на работу мощной микроволновки, смешанный с шипением. В смотровом окошке на секунду вспыхнуло ярко-зеленое свечение. Через минуту из другого шлюза выдвинулся небольшой контейнер. Внутри лежала горсть тёмной, влажной земли, от которой слабо парило теплом. «Биомасса Геннадия Полякова передана в Центральные Гидропонные,» – безэмоционально объявил оператор. – «Цикл реинтеграции завершен».

Странно, но Рома не почувствовал никаких эмоций. То ли, потому что Гена хотел его убить, то ли потому, что всё было слишком быстро, слишком... технологично. Слишком бездушно.

Белый подошел к нему, когда люди стали расходиться. Он привычно улыбался, но сам понимал, что это неуместно, а потому выражение лица получилось перекошенным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.